
Я видел — двое юных и цветущих
Стояли рядом на холме зеленом,
Округлом и отлогом, словно мыс...
Их было двое, девушка смотрела
На вид, такой же, как она, прелестный,
А юноша смотрел лишь на нее...
Стал взрослым юноша и средь пустынь
На юге пламенном нашел приют.
Он впитывал душой свет яркий солнца,
Вокруг все было странно, и он сам
Другим стал, не таким, как был когда-то...

Лорд Д. Г. Байрон

ОТПРАВНАЯ ТОЧКА

Это началось в Стамбуле, когда мне было девять лет.

Мама повезла меня в любимый город любимой страны есть восточные сладости и по вечерам смыть с бровей соль Босфора.

Люди, которые говорили на другом языке и смотрели на меня как на чужака, казались мне недружелюбными недолго: спустя два дня, съев пару тарелок жареных кефте с запеченными баклажанами, сделав втайне глоток турецкой водки раки, я ощутил вкус настоящего восточного города. Тогда и шумный рынок перестал казаться грязным и мерзким, почувствовался в воздухе манящий запах горячей кукурузы, люди стали видаться улыбающимися, а не скалящимися, а душный воздух уже не обжигал легкие. Сытные сырны лепешки, прохладные буйные воды Босфора, разноцветные домики и свист рынка — все вокруг казалось сказкой.

Сказка продлилась недолго — жизнь дала то, что никто не мог предвидеть: ни мама, ни оставивший нас когда-то отец, ни дядя Хасан, который поил меня сладким чаем в кафе под нашей квартирой, ни я сам.

Тогда я перестал видеть хоть что-то светлое.

Помню, как тогда мечтал стать кем-то особым и чего-то особого достичь, не подозревая, что мои желания некто свыше поймет по-своему.

Первой была официантка, которая помогла мне поймать ложку. Я выронил ее из-за резкой головной боли, но девушка успела ее перехватить и вложить обратно мне в руку.

В момент, когда ее пальцы прикоснулись к моим, *это* началось.

Мне говорили, что в Антарктиде холодно. Наверное, в мгновение, когда загорелые женские руки дотронулись до моих, ставших почти такими же темными под палящим солнцем Стамбула, до меня долетел северный ветер, потому что такого жуткого мороза я не чувствовал никогда.

Всего один миг, и холод покрыл мое тело невидимой корочкой. Миг, и я увидел ее.

Танцующая на большой сцене, высоко над зрителями, которые восхищенно смотрят, как она кружит в свете софитов на блестящей площадке. Она была знаменитой, окруженной любовью, цветами и поклонниками. Была желанной и счастливой, как всегда хотела.

Картинки сменялись одна за другой, а я с ужасом наблюдал и никак не мог понять, откуда они берутся и зачем они мне нужны.

А потом я испугался. Испугался, потому что она, та самая, очаровывающая сердца, сидела в тесной обшарпанной квартире, размазывая по щекам слезы, одной рукой сжимая полупустую бутылку, другой поглаживая ногу в растянутых шортах, которую изуродовал кривой красный шрам.

Ложка вернулась в мою руку, мама пробурчала недовольное «спасибо», с упреком взглянула на меня и продолжила есть долму.

А я заревел. Заревел в голос, выскочил из-за стола и бросился наутек, игнорируя окрики матери.

В тот день мне, наверное, следовало сказать официантке, чтобы она бросила танцы, никогда не выходила на большую сцену, избегала жаждущих ее провала недоброжелателей и больше всего на свете берегла свои ноги, ведь я видел — ее мечта обернулась трагедией. Талант порождает зависть, а зависть толкает людей на жестокие поступки.

Но я не сказал. Я выбежал, окликаемый разозленной мамой, из кафе с комом во рту и теплой долмой в желудке, которая отчаянно просилась наружу.

Тогда мне было девять. Тогда я ничего не понимал.

Сейчас мне двадцать пять, я стал понимать больше, но одно осталось неизменным: я все так же не знаю, почему мне досталась эта необыкновенная способность, ставшая проклятьем. Я не знаю, почему вижу, куда приводят людей их мечты.

Тогда мне было девять. Тогда мне не сильно везло.

Сейчас мне двадцать пять, а везти стало еще меньше: уже шестнадцать лет, прикасаясь к людям, я понимаю одну и ту же вещь — некоторые мечты никогда не сбудутся и должны оставаться лишь мечтами.

Тот холод Антарктиды и сейчас со мной — он рождается быстро и так же быстро сменяется полыхающим в теле огнем, приходит старым другом, когда кто-то касается меня. Поэтому я лучше спрячусь в дальнем углу кафе, пропущу свой автобус и пойду пешком, отгорожусь крепостями из бумаг в офисе, сниму очки, чтобы не видеть яркие пятна чужих мечтаний, и стану невидимкой, который видит куда больше, чем того бы хотел.

Я трус. И признаю это.

Я трус. И я не хотел ничего менять, пока на пороге моего офиса не появилась разругавшаяся от воодушевления Делла Хармон, уговорившая меня рассказать вам эту историю.

И я рассказываю. Скрипя зубами, пишу эту повесть — о моем исцелении, о принятии себя.

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Спустя годы он вернулся в Стамбул. Один, без матери, с пламенным приветом для дяди Хасана — того самого, который в детстве поил его сладким чаем, и страстным желанием смотреть на волнующийся Босфор.

Он хотел взглянуть в воды Босфора и увидеть свои отражения: мальчика, которым был, и молодого мужчины, которым стал. Он взглянул, но кроме усталых глаз, осунувшегося лица, сложенных на груди рук в попытке от этого мира отгородиться, больше ничего не рассмотрел.

Шеннон все так же боялся, пусть и смирился с этим страхом, так же смущался от пойманных на себе заинтересованных женских взглядов и позволял трепать стамбульскому ветру все ту же непослушную кудрявую копну.

Он был молод, но не воспринимал эту молодость как подарок — за шестнадцать лет он увидел слишком много сломанных судеб и был изнурен. Тени под глазами становились синяками, веки утомленно опускались все чаще и все реже губы растягивались в улыбке, а мучения обращались

пустотой, к которой привыкнуть он не мог так же, как и к наполняющей его чужой боли.

Поток людей двигался по шумной широкой улице, огибая Шеннона. Они топтали его ноги, толкали в спешке, задевали плечами, не зная, что он видит, чем все рано или поздно закончится для каждого.

Босфор его не ждал: все те дни, пока он был в Стамбуле, с востока шел буйный ветер, взбивая волны и мешая кораблям двигаться по своему маршруту.

Дядя Хасан его не ждал: он умер, и место управляющего кафе занял его повзрослевший сын.

Покой его не ждал: Стамбул не был готов принять Шеннона вновь, не собирался, вняв его мольбам, сообщить, что страдания закончились и видеть чужие мечты больше не придется.

Шеннон долго собирался с мыслями, раз за разом открывая и закрывая вкладку браузера с доступными рейсами, надеясь, что, если вернется туда, где все началось, это «все» внезапно прекратит его тревожить. Он долго собирался с мыслями, готовился и молился, что черная дыра безысходности и страха наконец-то схлопнется в ту минуту, когда его нога ступит на пышущую жаром землю Стамбула.

Утром он спускался к мечети Ортакей, слушая, как экскурсоводы снова и снова произносят «жемчужина Босфора», указывая на мечеть, и вспомнил, стоя перед ее светлыми стенами, как девятилетним напуганным мальчиком прибежал к этой мечети, упал, содрав о камень кожу с коленок, возвел руки к небу и тихо молился.

Шеннон не был особо верующим — как и его мама, которая больше верила в спасительное действие горячительных напитков, чем в силу религии, — но в тот момент подумал, что от спустившегося на него проклятья может избавить только бог.

Но бог не помог, напуганный мальчик остался один, а его мама, все чаще запивающая водкой нахлынувшую тоску, начала шутить, что сын сумасшедший. И даже его плач не убеждал ее отказаться от этих шуток.

Забравшись на крышу старого здания, на высоких стенах которого облупилась краска, Шеннон ловил кудрями сентябрьский ветер, который дул с Босфора. Он вглядывался в горизонт, цепляясь взглядом за белый парус кораблика, который в вечернем солнце окрасился в пурпурный.

— Нечестно, — шептал он себе, замечая внизу гуляющих по вечерним улицам горожан и туристов. Друзья и подруги хохотали, фотографировали друг друга, танцевали под льющуюся из колонок музыку; возлюбленные целовались посреди тесных улиц, крепко обнимая друг друга; отцы несли на плечах счастливых дочерей, жующих сладкую вату.

Шеннон привык смотреть на людей со скорбью и притаившейся в душе завистью, привык быть наблюдателем, который лишь незаметно следил, понимая свою неспособность изменить то, что предрешено.

Он бросил попытки рассказать о своем проклятье: горький опыт показал, что ни ему, ни его возможности увидеть крах чужой мечты не верят.

А глупая тоска по времени, когда все казалось простым, не переставала его мучить.

— Нечестно, — повторил Шеннон. Он знал — это семьдесят третий раз за последний месяц. Старая привычка — считать каждое «нечестно» с того дня, когда мать решила навсегда его оставить.

Она умерла, едва ему исполнилось двенадцать. Ушла, оставив только шлейф перегара и дурманящий ужас в глазах сына, который и нашел ее на обшарпанной кухне их ветхого дома.

Она была первой, кто узнал о его проклятии и не поверил в его существование. Второй была тетка, взявшая его под свое крыло, а третьим и последним человеком стал Камерон Бакер — соседский мальчишка, который по ночам прятался за кустом под окном Шеннона в доме, который тот до сих пор так и не смог покинуть.

Камерон остался единственным, кто и сейчас ждал его там. Пусть и не под кустом соседского дома, но все в том же Реверипорте, откуда оба так и не уехали.

Юноша достал телефон и поморщился, глядя на уведомления; открыл переписку с другом и в очередной раз прочитал сообщение «Как ты?», которое проигнорировал еще позавчера утром. Он не знал, что ответить Камерону — да и самому себе.

«Никак. Я никак» — хмыкнул он мысленно.

«Все так же», — быстро набрали пальцы.

Сообщение улетело с тихим хлопком мессенджера, и ответное не заставило себя долго ждать.

«Возвращайся. Что-нибудь придумаем!»

Шеннон закрыл глаза и втянул ртом наполняющийся прохладой воздух. Камерон всегда так говорил, продолжая верить в свои слова. И пусть он вел себя как взбалмошный кретин — ногой открывал

дверь дома Шеннона, дымил электронной сигаретой, сидя за его кухонным столом, — Камерон любил его всем сердцем и пытался передать ему свою уверенность.

Камерон, однажды ночью сидя на остывающей после летнего дня траве, прячась за кустом, не поверил, когда кудрявый мальчуган рассказал ему о том, что умеет видеть мечты всех, к кому прикоснется; не поверил, глядя в орехового цвета глаза Шеннона, который прижался щекой к подоконнику и с надеждой смотрел на него. Не поверил, да, но не отступил.

Шеннон был слишком тихим и покладистым для Камерона — задиры и в будущем покорителя женских сердец. Учитель истории всегда говорил, что «такие парни, как мистер Бакер, считают себя бессмертными и, на удивление, почти ими становятся благодаря своему безграничному везению». Тетка Шеннона говорила, что «ни разу в жизни не встретила более безумного рыжего, чем отпрыск Хелли Бакер», а Шеннон считал, что такого друга, как Камерон, не заслужил.

Плевать, что Камерон не поверил ему той ночью, что посмотрел на него, как на глупого выдумщика, верящего в детские сказки, так же, как было плевать, что шутки друга по поводу его «дара предвидения» не изменились за тринадцать лет их дружбы.

Значение имело только то, что Камерон оставался с ним. Всегда. До самого конца.

«Возвращайся домой, Шеннон. От себя не убежишь, пусть и пытаешься».

Шеннон не ответил, заблокировав телефон, и медленно закурил, чувствуя, как нос разъедает

попавший в него сигаретный дым. Внизу зажглись фонари — десятки огней освещали улицы и магазинчики, отражаясь в окнах домов, хозяева которых еще не зажгли свет.

Люди гуляли по городу, щелкали затворы камер, до Шеннона доносились разговоры на разных языках, раздраженные выкрики и звонкий смех.

Шеннон вздохнул и затянулся сильнее, блуждая взглядом по лицам людей, которые его не замечали. Вдруг он увидел девушку, выбирающую в уличной лавке сувениры. Она сняла наушник, чтобы послушать увязавшегося за ней продавца, улыбнулась и вернула наушник на место. Вьющиеся светлые волосы незнакомки волнами падали на ее плечи, тонкие длинные пальцы крутили сувениры, которые она сосредоточенно рассматривала. Слышался ее тихий голос — она подпевала песне себе под нос, ни на кого не обращая внимания.

Он смотрел на нее, а вспоминал другую очень похожую — ту, что жила в Реверипорте, ту, имени которой даже не знал и подойти к которой так и не решился.

Впервые, когда увидел ее, она выплыла из толпы в вельветовом берете и с чудаковатой улыбкой на губах. Улыбаться было нечему — в разгар августа лил жуткий дождь и небо пронзали вспышки молний, — но ей, казалось, причины не требовались. Она очаровала его своей легкостью и тихим, понятным только ей покоем, который исходил от людей, что счастливы наедине с собой. Эта девушка заняла все его мысли, поселилась в его сознании, заставляя искать знакомый силуэт на улицах города.

Живущая в Реверипорте блондинка в вельвете была другой, но в чем это «другое» проявлялось, Шеннон ответить не мог. То было неподдающееся объяснению чувство. И оно ему полюбилось.

Он не заметил, как солнце над Стамбулом село, а уголки его губ дрогнули и еле заметно поползли вверх.

* * *

Турбулентность.

Светящаяся иконка над головой тихим сигналом попросила пристегнуть ремни безопасности. Шеннон приподнял шторку до половины, заглянул в просвет, из которого на затекшие от сидения ноги падали солнечные лучи.

Он прикрыл глаза и откинулся на спинку кресла, не отвернув голову от солнечных лучей.

Он думал, что где-то в мире в эту минуту разжигали мятеж с целью свергнуть политиков, где-то шла война и люди лишались близких, а он сидел в самолете, летящем в Реверипорт, и в очередной раз сражался с тоской. Он сравнивал тех людей, о которых размышлял, с самим собой, надеясь, что чужая боль заглушит собственную, заставит встряхнуться.

Не заставляла. Он только быстрее шел ко дну, словно наглотавшись мутной воды.

Он летел домой. Дорога, о которой он думал так долго, никуда не привела, да и в Реверипорте ждать его было некому. Шеннона никто не встретит, никто не встанет у выхода с большой картонкой и криво написанным на ней именем друга, брата, сына или возлюбленного.

